

12 05 2015 Выходной

## **ХИМИК С СЕРДЦЕМ АВИАТОРА**

**Повестка на службу в Красную армию, датированная 1942 годом, книжка красноармейца и номер газеты «Красное знамя» от 10 мая 1945 года – все эти реликвии Константин Константинович Сончик передал в музей Томского политехнического университета, где он на протяжении многих лет возглавлял и преподавал на кафедре электрооборудования ракет и летательных аппаратов.**

Впрочем, со временем ее название менялось, но только не суть. Как 17-летний парень, отслуживший во время войны в войсках химической защиты, все-таки сумел поближе подобраться к небу, к своей детской заветной мечте? Об этом нам рассказал сам герой, отметивший в прошлом году 90-летний юбилей.

«В 1941 году я окончил школу, и возник вопрос, что дальше делать, куда направлять свою судьбу. И решили с другом продолжить учиться, по крайней мере, попробовать. Я переписывался со многими институтами, но выбрали, в конце концов, Новосибирский институт инженерно-железнодорожного транспорта. Там и учиться вроде бы полегче было, общежитие давали, форма была, и даже время учебы засчитывалось за время службы в армии. Да и от Читы недалеко!» - улыбаясь, рассказывает Константин Константинович.

Собрав все необходимые для поступления документы, друзья аккуратно запечатали их в конверты и отправились на почту – послать корреспонденцию в Новосибирск. На почтовом штемпеле в тот день значилась теперь уже знакомая всем дата: 22 июня 1941 года...

- Приходим домой, а нам говорят – война началась... Что нам оставалось делать? Документы отправлены, пришлось ехать поступать. Экзамены я сдал, а вот медицинскую комиссию не прошел из-за проблем с сердцем. Забраковали меня и отправили домой, - вспоминает Сончик.

Вернувшись в Читу, 17-летний Константин свалился с брюшным тифом, и ни о какой учебе и службе в армии разговоров долгое время не было – болезнь была очень тяжелой. А выздоровев и перешагнув через порог совершеннолетия, в 1942 году он получил повестку на службу в армию: первой его точкой стала станция Дивизионная недалеко от Улан-Удэ.

Там дислоцировался пересыльный пункт, и новобранца определили в роту минометчиков, но ненадолго: в скором времени ему предложили поступить в топографическое училище, Константин отказался, и тогда его направили дальше на восток страны, где в районе одного из поселков базировался отдельный батальон химической защиты. «С тех пор вся моя служба так и прошла в химических войсках», - говорит Сончик.

Советский Союз четко понимал, что в арсенале у противника есть средства для ведения химической войны, и что фашисты в любой момент могли их применить. Поэтому умению солдат уберечь свои жизни от химической атаки, а также нанести ответный удар, уделялось большое внимание.

«Нас отправили в Гороховецкие лагеря – огромные территории и тысячи солдат! Служил я в 14-й учебно-технической бригаде, и мы готовили солдат к химической войне: и как уберечься учили, и как распылять – тоже. Приходилось возить на специальных машинах – на базе «ЗиС-5» - по три тонны иприта за раз... Жутковато! Довезешь его до полигона, там распылишь, и потом километров за 10 к нему не подойти – и вонь стоит, и деревья гибнут... А мы там занятия проводили. Причем под утро, потому что днем во всей спецодежде было просто невозможно работать. Поэтому на себе были только нижнее белье, спецодежда, противогаз и сапоги. И то приходилось по 2-3 раза прерываться, чтобы белье выжимать и пот из сапог выливать... Было дело, что попадали и под заражение ипритом... Случалось такое», - вспоминает Константин Константинович.

По его словам, и сам он, и многие его сослуживцы рвались на фронт. И когда по части прошел слух, что объявили набор на службу в авиации, то желающих оказалось достаточно. Оставалось только доехать до Горького и поступить в летное училище.

- Я прекрасно понимал, что из-за проблем с сердцем меня не пропустит медкомиссия. Но ребята рядом оказались хорошие: они за меня в кресле покрутились, центрифугу

прошли, и мне в заключении написали «годен без ограничений», - с улыбкой вспоминает Сончик. – Но все это не помогло. Когда мы приехали назад в часть и уже чувствовали себя полноценными летчиками, вышел приказ Главного военно-химического управления: из химических частей никого и никуда не отпускать и не переводить. Это было, когда уже второй фронт открылся... И нас не пустили. Следом Константина Константиновича ожидала еще одна беда: он заболел менингитом. В госпитале пролежал больше двух месяцев: врачи сумели-таки поставить его на ноги. Насколько в тяжелом был состоянии, можно судить по тому, что медсестра, привозившая его в госпиталь, приехала еще раз через месяц – узнать, где похоронен молодой солдат...

В скором времени Сончика перевели Саратовскую область – в Высшее Краснознаменное училище химических войск. Там офицеров обучали самым разным дисциплинам, в том числе был и авиационный класс, куда Константина прикомандировали лаборантом. Так началась сбываться мечта парня из Читы, и он сделал свой первый шаг навстречу небу. Правда, в авиации Константин Константинович начнет работать уже в мирное время, а пока все еще шла война... «Война – это сильнейшие переживания. У нас висела карта, где мы переставляли флажки по линиям фронтов... Сталинградская битва особенно страшной была, - став очень серьезным, говорит он. – Но мы были очень сплоченными. В то время не было понятия «национальность» - разницы никакой. Все были очень дружными, а сейчас люди по-другому живут...»

Победу Константин Константинович встретил здесь же, в Саратовской области. День был очень солнечный, и радости не было предела.

- Я сфотографировался тогда: в пилотке, в форме, с улыбкой... И сделал еще одну фотографию спустя 60 лет, примерно в том же ракурсе – они опубликованы в моей книге. А позже написал к этим двум фотографиям стихотворение, - рассказывает Сончик. Вот оно:

«Я помню светлый майский день,  
Солдат с пилоткой набекрень,  
Шинель, улыбка на устах,  
Все зубы на своих местах.  
Увидев это фото вдруг,  
Сказал мне старый добрый друг:  
«Ну что, немного возмужал!»  
Немного... Я не возражал».

Но улыбку от радости в скором времени стерло печальное известие: погиб его лучший друг. Причем погиб не на войне, а возвращаясь домой. Воинский эшелон остановился посреди чистого поля, товарищ Константина вышел прогуляться вдоль состава и подорвался на mine...

Демобилизовался Сончик в 1947 году и приехал в Томск – поступать в политехнический институт. Поступил, отучился и окончил его по специальности «Электротехнические машины», а через некоторое время стал аспирантом. И в те же годы было принято решение организовать новую кафедру – электрооборудования ракет и летательных аппаратов. Как вы уже догадались, эта ответственность легла на плечи Константина Константиновича.

«Так я оказался еще ближе к авиации. По работе побывал на многих авиастроительных заводах. В Ташкенте был, где делали «Антей» – самый большой наш самолет. Хожу по заводу, смотрю: а под «Антеем» мужики шашлык жарят... Ташкент же! Я поднялся в кабину, рассматриваю все, тут кто-то заходит: а кто ты, мол, такой? Отвечаю: «Из Томского политехнического я!» И проблема была исчерпана. А был случай, когда я чуть не катапультировался! В Комсомольске только СУ-27 начинали делать, я зашел в один из цехов, уселся в кресло пилота, начал кнопки нажимать – хорошо, что местные работники успели меня уберечь!» - вспоминает Сончик.

Константин Константинович возглавлял кафедру 12 лет, а его преподавательский стаж – 42 года. После выхода на пенсию всерьез заинтересовался живописью. Вернее, его знакомые томские художники-любители, увидев его наброски, посоветовали уделять этому больше времени. И уже в скором времени несколько его картин приняли участие в выставке.

- Я нарисовал две или три картины, и когда выставка закрылась, пришел их забирать, а одной картины нет – украли! Я так обрадовался! Значит, кому-то понравилась. С тех пор и рисую, и в выставках участвую. Не так давно в Китае две мои картины приобрели, - говорит Константин Константинович.

За 20 с лишним лет он нарисовал около 900 картин, при этом Константин Константинович всерьез занимается фотографией, чуть ли не с 10-летнего возраста. И его любимый фотоаппарат – «Фотокор», о котором многие даже и не слышали.

- Я еще до войны начал работать ретушером в Чите, в армии мне это пригодилось, когда начальство фотографировали. На службе мне и подарили «Фотокор», с тех пор я работаю только с ним. Ни цифровые, никакие другие фотоаппараты в сравнение с ним не идут, - убежден Сончик.

Помимо живописи и фотографии Константин Константинович еще и стихи пишет: у него уже вышло две книги, правда, совсем небольшими тиражами, при поддержке его выпускников. Сейчас уже собран материал на третью, но... «Пусть пока еще полежит, - говорит Сончик. – До лучших времен».

Так вот и живет Константин Константинович в Томске со своей женой и сыном. Кстати говоря, с супругой он познакомился еще в Чите! И женитьба у них получилась очень интересной...

- Я уже был в аспирантуре, когда решил жениться и отпросился в Читу.

Регистрировались мы где-то в подвале: девчоночка выписала нам квитанцию на три рубля, а потом спрашивает про свидетелей. А мы знать про них не знали! Тогда она вызвалась стать свидетельницей со стороны жены, а я вышел на улицу, встретил прохожего, и он стал моим свидетелем. Так и поженились! Я сразу же сел на поезд и уехал, а жена приехала через месяц... Свадьбы у нас никакой не было, ни простой, ни серебряной, да и бриллиантовая прошла незаметно недавно – 60 лет уже прожили вместе. Вот так вот, - рассказывает Константин Константинович.

А на прощание он прочел еще одно свое стихотворение. По моему мнению, довольно грустное...

«Возле дома у реки, на скамейке вечером

Рассуждали старики про дела сердечные.

Поднимали вновь и вновь темы неизменные:

Про разлуку, про любовь, про дела военные...

Песню спели, как могли, посидели на скамейке...

Жизнь промчалась – как рубли.

А осталось так, копейки...»

Впрочем, сам боец химзащиты с сердцем авиатора называет это стихотворение юмористическим - когда о прошедших годах можно вспоминать с улыбкой. И по дороге к своему 100-летию Константин Константинович унывать ни капельки не намерен.

**А. ПОГОДИН**